

Патъяна
Лисицына

НО МОЩЬ
ПРИЗРАКА

Skleněný můstek 2015

Татьяна Лисицына

Помощь призрака

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Татьяна Лисицына 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-72-3

Содержание

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ГЛАВА 19

ГЛАВА 20

ГЛАВА 21

ГЛАВА 22

ГЛАВА 23

ГЛАВА 24

ГЛАВА 25

ГЛАВА 26

ГЛАВА 27

ГЛАВА 28

ГЛАВА 29

ГЛАВА 30

ГЛАВА 31

ГЛАВА 32

ГЛАВА 1

Когда я, послав гордость к черту, позвонила Андрею, его уже не было в этом мире. Знать я тогда этого не могла, поэтому, выслушав серию гудков, отбросила мобильный в сторону и поспешно оделась, решив прогуляться.

Почему Андрей не взял трубку? Не захотел со мной разговаривать? Или не смог? Если не смог, перезвонит. Я зашагала по Малой Бронной к Патриаршим прудам. Сделав пару кругов и ошалев от выпивающей молодёжи на скамейках, я вернулась к отелю «Марко Поло» и уселась в баре на улице. Здесь было тихо уютно дорого. Так, как я привыкла. Я заказала Уокера и подумала, что Андрей обязательно перезвонит, и я извинюсь за то, что отменила встречу. Не успела я сделать и глоточка, как увидела идущего по улице отца. Тут же захотелось, как маленькой спрятаться под стол, чтобы избежать нотаций, что я сижу в баре и выпиваю в одиночестве. Стоп! Я же большая девочка. Сорокалетняя. И я уже изменилась и решила, что больше никогда не попаду под его влияние. Решить одно, сделать другое. На всякий случай я немного наклонилась к вазону с цветами, чтобы меня не было заметно с улицы. Не хотелось снова выслушивать, что Андрей, в которого я втрескалась по уши, всего лишь охмуривший меня негодяй. Уверенной походкой отец прошагал в холл отеля. Я сделала большой глоток вискаря и попыталась расслабиться.

Проснувшись утром – спала я после Уокера неплохо – снова набрала номер Андрея. Вот не такой он человек, чтобы обидеться настолько, чтобы не отвечать на звонки. Длинные гудки. Уже окончательно запаниковав, позвонила на домашний и узнала от бабы Насти, что Андрея застрелили во время дежурства. Я мгновенно ощутила свою вину, несмотря на то, была далеко от места происшествия. Но именно в этот вечер я не захотела с ним встретиться, и он вышел на замену другого сторожа. Ненавижу себя за то что никакой причины не было. Просто утром приехал отец, и всё как-то помимо моей воли пошло наперекосяк, словно то, чему я думала, что научилась, оказалось лишь моими домыслами. Знакомый пронзительный

взгляд отца вновь превратил взрослую женщину в маленькую послушную девочку, которая вместо запланированной встречи с Андреем пошла с отцом в ресторан. Выслушав прерываемый всхлипываниями рассказ бабы Насти, я зарылась в подушку. Воспоминания накатывали так же быстро, как слёзы.

Я оказалась в Москве, чтобы решить вопрос о наследовании принадлежащего еще до революции нашей семье старинного особняка. Гостиница «Марко Поло», в которой мне забронировали номер, оказалась неподалеку. Наскоро приняв душ и переодевшись, я поспешила на улицу. Мне не терпелось увидеть Москву. Город, о котором я столько слышала, читала и в котором родилась и жила в молодости моя обожаемая, так рано ушедшая из жизни мама. Мне казалось, что я всю свою жизнь стремилась сюда, но стоило мне только заикнуться о поездке, как отец находил десятки предлогов, чтобы её отложить. И вот, наконец, судьба смиростивилась надо мной. У него было назначено слишком много встреч, чтобы поехать самому.

Улица показалась мне смутно знакомой, словно я когда-то здесь бывала. Я непроизвольно ускорила шаг, чувствуя стеснение в груди. Через пару минут застыла перед старинным особняком. Мне показалось, что я уже видела этот дом с узкими окнами и цветными витражами. Я обошла его и оказалась возле парадного входа. И тут началось. Словно провалившись в прошлое, я совершенно ясно услышала стук колёс невидимого экипажа и шуршание складок своего длинного платья. Мужчина с бородкой помог мне выйти. Рука об руку мы поднялись по каменным ступеням.

Да что же это такое?! Просто какая-то мистика. Неожиданно мой взгляд упёрся в табличку, которую я до сих пор не заметила. «Дом-музей писателя Александра Конькова». Не может быть! Тот самый дом, из-за которого я приехала. Наследство, из-за которого разгорелись споры. Я огляделась. Через дорогу от меня на площади гордо устремлялся в голубое небо одноглавый храм. Ощущение того, что я здесь была, усилилось. Я почти бегом побежала к церкви и схватилась за тяжелую ручку. Дверь поддалась, и я вошла в по-

лутемный заполненный цветами холл. Только потом я поняла, что нарушила все приличия. Мало того, что я была в брюках, так ещё и без платка. Но даже если кто и смотрел на меня с неодобрением, мне было всё равно. Какие-то неясные образы роились в моей голове, которые я пыталась ухватить, но у меня ничего не получалось. Ноги поднесли меня к иконе Богоматери, и мои губы послушно зашевелились. Поймав себя на этом, я вновь испытала потрясение. Я не верила в Бога и не знала слов молитвы «Отче наш». Тем более на русском языке. Я наблюдала за собой словно со стороны, и моя рука, отдельно действующая от меня, привычно перекрестилась.

Добравшись до скамьи, я села и почувствовала слёзы на щеках. Не помню, когда я плакала последний раз. Что-то происходило со мной. Но всё это уже было, было когда-то.

– Мы закрываемся, – услышала я голос и открыла глаза.

Передо мной старушка в платочке. Захваченная в плен новыми ощущениями, я не слышала её шагов. В выцветших голубых глазах светились доброта и понимание. Я почувствовала, что она верит в Бога. Верит по-настоящему.

– Приходи завтра с утра на службу, – тихо сказала она. – А потом на исповедь. Покаешься, легче будет. Только не ешь ничего с утра.

Я молча кивнула, зная, что приду сюда ещё не раз. Вышла на улицу и снова направилась к особняку, пытаюсь разобраться, что же со мной происходит. Зазвонивший телефон вернул меня в реальность.

– Элоиза, ты уже на месте? – услышала я голос отца. Связь была такой хорошей, словно он говорил не из Парижа, а находился на соседней улице. – Как долетела? Как гостиница? Тебя поселили в том люксе, который я заказывал? – Не слушая моих ответов, он как обычно забрасывал меня вопросами, на которые сам и отвечал. Такая форма общения сложилась ещё с детства.

– Да, всё хорошо.

– Хотелось бы мне знать, что там может быть хорошего в этой Москве? – проворчал он. – Номер хотя бы чистый? А то у русских никакого сервиса.

– Да, конечно.

Ненависть моего отца к России меня поражала. Мой дед, Петушинский Фёдор Васильевич, умер, когда отцу было десять лет, и его воспитанием занимался дядя, Петушинский Сергей Фёдорович, который до конца своей жизни сохранил обиду на Степана, не мог понять, как младший брат осмелился пойти против семьи и всем сердцем принять революцию.

– Завтра позвони адвокату и постарайся прижать этого подлеца к ногтю. У него нет никаких прав.

– Да, хорошо.

– И будь, пожалуйста, твёрдой. Ты вечно мямлишь. В конце концов, ты моя дочь. Единственная наследница нашей империи. Помни об этом.

Отец бросил трубку, а я, не дождавшись зелёного сигнала, перешла дорогу. Прошлое исчезло. Я снова была Элоизой, знавшей французский лучше своего родного языка. Зато закончилось раздвоение. Отцу, как всегда, удалось вернуть меня с небес на землю, вновь напомнив, какое я ничтожество.

Я подошла к особняку и стала изучать табличку. Музей писателя Алексея Конькова. Часы работы. Конечно, музей давно закрылся, если, вообще, работал. Неожиданно к ограде с той стороны подошёл молодой человек. Наверно, он стоял где-то поблизости, судя по тому, что его сигарета оказалась почти выкурена.

– Здравствуйте, – молодой человек улыбнулся. – Я заметил вас, когда вы подходили сюда еще первый раз. – Я удивилась, не зная, как реагировать на то, что за моим странным поведением кто-то наблюдал. – Куда вы потом пошли?

Он говорил так, словно мы были знакомы, и мне это показалось странным. Я внимательно посмотрела на него. Русые волосы спускались на лоб кудрявой челкой, большой нос правильной формы, легкая, как любят говорить сейчас, сексуальная небритость. Черная выглаженная футболка обтягивала широкие плечи.

– Ходила в церковь, – ответила я.

– Вы откуда приехали? Акцент у вас.

– Из Франции.

– Долго учили язык?

– Нет ... – Я замялась. Не хотелось рассказывать о себе. – Некоторые мои родственники жили в России.

– Простите. Я не буду задавать вопросов. Только один, – он засмеялся, и я почувствовала, как губы против моей воли тоже складываются в улыбку. – Вам, наверно, понравился этот дом, раз вы вернулись.

– Он необычный. Жаль, что закрыто. Я бы с удовольствием зашла внутрь. Ну, может быть, приду завтра.

– А хотите, – в его голубых глазах засветился озорной огонёк, – хотите, я проведу вас сегодня?

– Вы... меня...? Но как?

Он усмехнулся.

– Считайте, что я сторож этого музея, – Он открыл калитку. – Проходите. Только для вас и сегодня: персональная экскурсия.

Я замешкалась. Как-то всё это было странно. Зачем он это предложил? А не убьёт ли он меня в этом доме? У меня кольцо на пальце с бриллиантом и деньги в сумке. Немного денег, но всё равно. Отец предупреждал, что в Москве и за сотню долларов убить могут.

– Да не бойтесь вы, – он слегка коснулся до моей руки. – Давайте познакомимся. Меня зовут Андрей. А вас?

– Элоиза.

– Красивое имя. – Он слегка нахмурил брови, что-то вспоминая. – Ну, конечно. Элоиза и Абеляр. Французские Ромео и Джульетта.

Честно говоря, я удивилась, что сторож музея столь начитан. Даже у моих соотечественников такой ассоциации не возникало. А ведь моя романтическая мамочка назвала меня в честь этой самой Элоизы. До маминой смерти мы жили на набережной цветов рядом с Нотр Дамом. Из наших окон виднелись мрачные башни собора и кружащие над ними черные птицы. Не знаю почему, но эти птицы и башни в детстве пугали меня. А мама часто выходила на маленький французский балкончик и, облокотившись на перила, замирала, глядя вдаль. Мама обожала Париж, знала, кто жил и в каком доме. Я как сейчас слышу ее слегка хрипловатый голос, рассказывающий

историю любви молодого ученого Абеляра, преподававшего умнице Элоизе не только латынь, но и любовные уроки.

– Уж не знаю, чья история печальнее, – заметил Андрей. – Ромео умер от яда, Абеляра оскотил оскорблённый дядюшка. Вы как думаете?

– Не каждый из мужчин сможет прожить без столь необходимого органа, – заметила я, покраснев от собственной шутки.

Андрей совершенно серьезно посмотрел на меня.

– Я все же предпочел бы жизнь. Уж очень я ее люблю.

– Даже без органа? – зачем-то уточнила я.

Андрей кивнул и рассмеялся.

А я, вдруг почувствовав себя легко и свободно, как давно не чувствовала, заметила:

– Мне всегда казалось, что дядюшка не рассчитывал на приданое Элоизы, как это везде написано, а был в нее влюблен.

Андрей с приторной задумчивостью почесал макушку.

– А знаете, Элоиза, мне кажется, вы правы. Но тогда история приобретает иной смысл. И это обязательно нужно внести в путеводитель. А то несправедливо выходит: останки влюбленных соединили, влюбленные пары совершают паломничества на их могилы, а настоящая история известна только вам.

– Хорошо, когда я вернусь в Париж, обещаю вам это исправить.

– Договорились, Лиза. Ведь вы же позволите мне так вас называть?

Лизой называла меня только мама. Его слова были словно приветом от неё. И эта история тоже. Мамочка моя говорила, что я обязательно должна прийти на могилы Элоизы и Абеляра с тем, кого по-настоящему люблю. Да вот до сих пор не сложилась наша встреча.

– Называйте, если вам так больше нравится, – ответила я, заходя в калитку и останавливаясь возле клумбы с лиловыми ирисами.

Андрей принял позу экскурсовода.

– Прежде чем мы войдём, мне бы хотелось рассказать вам историю дома.

Боюсь, что историю я могла бы рассказать лучше него, но мне не хотелось обижать нового знакомого. Он начал с того, что в самом конце девятнадцатого века знаменитый банкир Петушинский Фёдор Васильевич заказал знаменитому в то время архитектору построить этот дом. Какое-то время он жил здесь со своей женой. Потом произошла революция, и вся семья эмигрировала во Францию

– Вы меня слушаете?

– Да, просто задумалась, – вдруг сорвалось с моих губ, прежде чем успела сообразить. – Мне, кажется, вы похожи на Есенина, – сказала я очередную банальную фразу, за которую мысленно себя растерзала.

– Несколько раз слышал об этом. – Он улыбнулся. – Умолкаю, чтобы вас больше не утомлять. Я очень люблю этот дом. Сейчас решается его судьба. И, может быть, через пару лет здесь будет банк или что-нибудь ещё, и он не будет доступен для посещения. Так что вам повезло, вы можете сюда попасть.

И снова в моём мозгу не произошло никаких ассоциаций. Я должна была догадаться, кто он. Если бы я отказалась войти в музей, позже мы бы встретились у адвоката, и всё было бы иначе. Но судьба исправила ошибку отца, воспитавшего меня материальной потребительницей, она пересекла наши дороги с Андреем и сказала: «Смотри, а ведь можно жить иначе. Можно плевать на деньги, любить жизнь и быть счастливым. Смотри: где ты и где он. Он человек, а ты бездушное животное, покорно идущее на дорогом поводе своего отца».

Мы зашли в дом. В маленькой комнатке, вероятно, это считалось вотчиной сторожа, накрыт стол. Нарезка колбасы, солёные огурчики, чёрный хлеб. Типично русская закуска. Ну и, конечно, бутылка водки. У прямоугольного стола, занимавшего больше половины помещения, сидел мужчина лет пятидесяти. Я сделала шаг назад больше от неожиданности, чем от страха.

– Не пугайтесь, – Андрей поймал меня за локоть. – Это и есть сторож музея. Александр Петрович.

Мужчина с поредевшими, зачесанными назад волосами чуть приподнялся из-за стола и протянул мне руку. Я ответила на рукопо-

жание, отметив про себя, что мужчине подавать первым руку даме, неприлично.

– Это Лиза, – представил меня Андрей. – Она приехала из Парижа. Я обещал показать ей музей, если ты не против.

Мужчина пожал плечами.

– Конечно, идите. – Он потянулся к бутылке. – Не желаете сначала выпить для храбрости? А то здесь призраки прошлого появляются.

– Не пугай девушку, дядя Саша. – Андрей взял меня за локоть. – Идёмте.

Он подтолкнул меня вперёд, и я, пройдя по коридору, попала в большую гостиную с арочными окнами. Посередине комнаты большой круглый стол, на котором стояла одна чашка. Того самого пролетарского писателя, которому и предложили пожить в этом доме. Кстати, этот дом ему не нравился, он даже не поднимался на второй этаж. Всё это рассказывал мне Андрей.

Я огляделась, и у меня снова возникло это уже пугающее меня дежавю. Я совершенно точно была в этой гостиной. Только тогда здесь всё было по-другому. Интерьер полностью изменён. Я жадно оглядывала обстановку, пытаюсь найти что-то знакомое. Воспоминания витали где-то рядом.

Я прислонилась к стене и закрыла на секунду глаза. Услышала музыку и увидела себя в бальном платье. Мужчина с остроконечной бородкой уверенно вёл меня в туре вальса.

– Что с вами? Вам нехорошо? – спросил Андрей.

– Нет, всё в порядке. Просто со мной что-то странное сегодня происходит. Идёмте дальше.

– Нет, подождите. Скажите, что вы почувствовали. Это важно.

Я посмотрела на Андрея. Его глаза так близко от меня и так участливы. Не так-то просто попробовать притвориться, что ничего не произошло.

– Просто дежавю. Такое бывает. – Я пожала плечами. – Мне показалось, что я уже была в этом доме. Только тогда здесь была другая мебель. – Андрей не отрывал от меня глаз, никак не коммен-

тируя мои слова. – Не смотрите на меня так. Наверно, мне просто показалось.

Так, и не сказав ни слова, он вышел, а я снова стала рассматривать гостиную. Как же тогда здесь всё располагалось?

Андрей вернулся с листком бумаги и ручкой.

– Нарисуйте план дома.

– Но как я могу? Ведь вы мне его ещё не показали.

– Но вы же были здесь. Садитесь сюда.

Он убрал верёвку, которая была натянута, чтобы любопытные посетители не трогали вещи писателя и не сидели на стульях.

Я покачала головой.

– Попробуйте, прошу вас. Возьмите ручку и рисуйте. Всё, что придёт в голову.

– Но зачем?

Он серьёзно посмотрел на меня.

– Потом объясню.

Я села, взяла ручку и начала рисовать план. Из гостиной шла другая комната, там располагался камин. Я любила сидеть у него и смотреть на огонь. Здесь же, на первом этаже, рабочий кабинет. По витой лестнице мы поднимались на второй этаж. Там ещё две комнаты. Моя рука дрожала, линии получались неровными. Так, кажется всё. Я отложила ручку. Нет, не всё. Здесь ещё что-то было. Я задумалась. Андрей стоял спиной ко мне и смотрел в окно. Другой мужчина когда-то тоже стоял ко мне спиной и смотрел в окно. Кажется, мы тогда поссорились, и я ушла, чтобы помолиться за нас. В этот момент я вспомнила, что было на третьем этаже. Молельная. Комната с куполообразным потолком, как в церкви.

Андрей повернулся ко мне.

– Ну что, получилось?

Я протянула ему листок. Он побледнел и некоторое время молча смотрел на рисунок, потом поднял глаза на меня.

– Но это же точный план дома. А что это такое? – он ткнул пальцем в камин, который я нарисовала прямоугольником.

– Камин.

– Идёмте туда.

Я вскочила со стула и побежала за ним. Тот самый камин. Я не могла ошибиться.

– Это единственная вещь в доме, которая осталась от Петушинских, – глухо сказал Андрей, избегая смотреть мне в глаза. Мне показалось, что ему стало страшно. Я тоже дрожала.

– Как это могло случиться? Сначала церковь, потом этот дом? – я чувствовала, что мой голос звучал жалобно. – Вы хотели объяснить.

– Чуть позже.

Когда мы обошли всё, сомнения исчезли. Я знала этот дом. Но здесь не жила. Здесь жил какой-то человек, который был мне близок. Я приходила сюда в гости.

– Что скажете, Лиза?

– Давайте поднимемся в молельную.

– Ах, да. – Андрей покачал головой. – Я совсем забыл. Там теперь всё изменилось.

Мы поднялись по крутой лестнице, и Андрей открыл передо мной дверь.

– Заходите первой.

Я сделала два шага и остановилась. Все иконы исчезли. Вместо них на стендах развешаны портреты семьи Петушинских. Единственное место в музее, где упоминалось о прежних владельцах. Всё остальное посвящено писателю. Я подошла ближе. Одна фотография упала к моим ногам, словно кто-то невидимый хотел напомнить о себе. Я так разволновалась, что даже не могла нагнуться, чтобы поднять её.

– Что это такое? – пробормотал Андрей и нагнулся за портретом. – Почему он упал?

Я осмелилась посмотреть на фото. На меня смотрели ЕГО глаза, глаза мужчины, который снился мне по ночам. Сон был один и тот же. Он говорил «иди ко мне» и протягивал руки. Потом я просыпалась. Я думала, что он существует на самом деле, и всю жизнь подсознательно искала ЕГО. Наверно, поэтому и до сих пор не замужем. Как можно встретить мужчину, который уже умер? Только

во сне.

– Смотрите, гвоздик отогнулся, – заметил Андрей. – Надо сходить за молотком. Подержите, – он протянул мне фото. – Это Степан, один из сыновей Петушинских. Единственный, кто не уехал во Францию.

Я не могла оторвать глаз от портрета. Степан. Значит, этот тот самый изменник, имя которого старались не упоминать в нашей семье. Мой дядя, посвятивший свою жизнь революции. Я вглядывалась в портрет.

– Схожу за молотком, – сказал мне Андрей.

Оставшись одна, я снова подошла к стенду и стала рассматривать другие фотографии. Здесь оказался портрет моего прадеда и моего деда с первой женой. Я с трепетом вглядывалась в лица, больше знакомые мне по фотографиям в семейном альбоме. Мой дед Фёдор умер, когда моему отцу было всего десять лет, поэтому я его не знала. В моей жизни так сложилось, что я вообще была лишена бабушек и дедушек. Мой отец не любил, когда мама ездила в Москву к своим родным и, в конце концов, она смирилась. Смирилась и через несколько лет ушла из жизни, потому что не видела в ней больше смысла.

Мой взгляд снова упал на портрет Степана, и у меня появилась мысль, что я его знаю не только по моим снам. Я видела разрозненные картины, суть которых никак не могла уловить. Я опустилась на стул и закрыла глаза. Нужно всё вспомнить. Воспоминания мелькали слишком быстро. Андрей остановился на пороге. Наверно, я выглядела странно, потому что он снова спросил:

– Вы в порядке?

– Да, вполне.

– Хорошо, давайте мне портрет, я повешу его на место.

Мне бы хотелось оставить его у себя, чтобы попытаться вспомнить это проклятое прошлое, вторгнувшееся в мою такую спокойную и размеренную жизнь. Идея возникла, пока я наблюдала за широкой спиной Андрея, возящегося у стенда.

– Можно я сфотографирую портрет? – спросила я, когда фото Степана висело на месте.

– Конечно, – Андрей улыбнулся. – Нет, подождите. Насколь-

ко я помню, фотосъёмка стоит сто рублей.

– Да, пожалуйста.

Я полезла за кошельком. Подумаешь сто рублей? Да я бы и сто долларов заплатила.

– Шутка. Я просто хотел немного отвлечь вас. Вы выглядите очень серьёзной.

– Глупая шутка. – Я всё ещё держала в одной руке фотоаппарат, а в другой сторублёвую купюру.

Андрей зажёл ещё одну лампу.

– Уберите деньги и фотографируйте.

Я бросила сто рублей обратно в сумку. Остряк. Знал бы он, что я чувствую. Какое отношение могла иметь я, родная дочь моего отца, к этому человеку, которого вся наша семья клеймила, как предателя?

– Давайте уйдём отсюда. Этот дом водит меня с ума.

– Не вас одну. – Андрей взял меня за руку. – Если вы когда-нибудь надумаете поделиться своими мыслями, пусть они даже будут казаться вам бредовыми, я вас выслушаю.

Его тёплая ладонь согревала мою. Мне вообще хотелось, чтобы он меня обнял. Обнял и увёл из этого прошлого. Андрей не был призраком, он был реальным человеком, человеком, которому можно рассказать всё. Я видела его душу насквозь, и она была прекрасна. И всё же моё воспитание и природная замкнутость не позволяли откровенничать с незнакомцем.

– Спасибо вам за экскурсию. Мне уже пора.

– Вы торопитесь?

На его лице появилось разочарование.

– На самом деле нет. Но вас там ждёт этот... сторож.

– У меня есть идея. Рюмка водки не повредит вам. Мы посидим с ним полчаса, а потом пойдём гулять или я провожу вас в гостиницу. Где вы остановились?

– В «Марко Поло», – с неохотой сказала я. – Мне не хотелось подчёркивать разницу в нашем положении, я боялась испугать его. Но на Андрея это не произвело никакого впечатления. Позже я поняла: он не делал разницы между богатыми и бедными, если ему

кто-то был интересен, он с ним общался. Мы же, чёртовы капиталисты, видим в человеке прежде всего банковский счёт. Сколько ты зарабатываешь? Какой у тебя дом и в каком округе? В какую школу ходят твои дети?

– «Марко Поло» рядом. У нас ещё будет время пройтись по бульварам и сходить на старый Арбат? Хотите?

– Да.

Мы вернулись в помещение сторожа. К счастью, оно не было во мне никаких воспоминаний. Пахло колбасой и водкой. Уже изрядно захмелевший Александр Петрович шумно обрадовался нашему появлению.

– Ну, наконец-то. А то я уже было подумал, что вас там этот призрак съел.

– Ну, что ты болтаешь, дядя Саша. Сколько раз я тебе говорил, что никаких призраков здесь нет.

Я вспомнила про упавшую к моим ногам фотографию.

– А вы, мадам, не заметили ничего особенного? – как бы случайно спросил сторож.

– Мне показалось, что я уже здесь была.

– Вы были когда-нибудь в Москве?

– В том то и дело, что никогда.

– Александр Петрович удовлетворённо крикнул.

– Вот, видишь, Андрей. Я тебе говорю, в этом доме что-то нечисто.

– Это у тебя от водки, дядя Саша. Напиваешься каждое дежурство.

– Ну, не каждое. Просто мне здесь не по себе. Если бы эта работёнка не была так близко к дому, я бы отсюда уволился.

– Ну перестаньте же. Вы Лизу напугали. Давайте лучше выпьем. – Андрей налил всем водки. Мне показалось, что ему не понравилось, что дядя Саша заговорил на эту тему.

– За вас, Лиза. Чтобы ваш приезд в Москву стал незабываемым. Это лучший город во всём мире.

Его тост отвлёк меня. Лучший во всём мире? Слышал бы его мой отец.

Я проглотила водку залпом и задумчиво жевала бутерброд,

думая о словах Андрея.

– А почему вы считаете, что этот город лучший? – наконец, решилась спросить я.

– Потому что Андрей у нас блаженный, – ответил за него Александр Петрович. – А на самом деле Москва после перестройки стала настоящей клоакой. Кто только сюда не приехал за бабками.

Андрей посмотрел на меня.

– Не верьте ему. Я покажу вам ту Москву, которую люблю. В центре с каждым домом связана какая-нибудь история.

– Уничтожают твои дома, – бурчал Андрей Петрович. – Строят новые. Хотят денег заработать. Строить на чистом месте выгоднее, чем реконструировать. А то, что детям ничего не останется, никого не волнует. Я вот слышал: в Италии дома не красят современными красками, потому что не хотят разрушать облик вечного города. А у нас всё, что угодно. Везде строительство, как будто после военной разрухи поднимаемся. Все только и думают о деньгах. Только Андрей у нас такой чудной, ничего не замечает.

– Пусть я чудной, но я счастлив в этом городе и никогда не променяю его ни на какой другой. Я здесь родился и здесь умру. – Он дотронулся до моей руки. – Идёмте, Лиза. Нас ждёт чудесная прогулка. Вы полюбите Москву, я вам это обещаю.

ГЛАВА 2

Звонок телефона оборвал мои воспоминания. Отец сказал, что пора идти на завтрак. Я умылась холодной водой и причесалась. Из зеркала на меня смотрело чужое постаревшее лицо с притаившейся в глазах болью. Приводить себя в порядок было некогда. Открыла дверь отцу, посторонилась.

– Что с тобой? – на суровом неприветливом лице отца не было ни тени сочувствия.

Молча прошли в комнату. Я опустилась в кресло. В горле ком, во рту привкус крови не могу ни слова сказать.

– Да что с тобой, наконец?

Прочистила горло, вздохнула.

– Произошло несчастье, кто-то убил Андрея.

– Откуда узнала?

– Не важно, – я почувствовала, что по щекам всё-таки потекли слёзы. Неужели в своей ненависти отец зашёл так далеко, что ему не жаль единственного внука?

– Ну что ж, – Роман Фёдорович сцепил пальцы, – не могу сказать, что я огорчен так же, как и ты. Видимо, этот мерзавец ещё кому-то перешёл дорогу, но надо констатировать факт, что его смерть значительно всё упрощает. Я думаю, что самое лучшее для нас сейчас уехать. В Париже им будет трудно нас достать.

Я с болью посмотрела на отца: он выглядел собранным и деловым, словно во время заседания.

– А ты не считаешь, что мы обязаны помочь следствию? В конце концов, Андрей был твоим единственным внуком. Других у тебя не будет.

Губы отца сжались в тонкую полоску.

– О чём ты говоришь?! У моего брата не было родных детей. Уж не знаю, что тебе натрепал этот ублюдок и почему ты ему поверила?

Я снова всхлипнула и отвернулась. Отец протянул мне чистый носовой платок.

– Да что с тобой, Элоиза? Не знаю, что ты там себе навдумывала, но уверяю тебя: он интересовался тобой только из-за денег. И не будь так глупа, приводи себя в порядок и собирайся. Я иду к себе заказывать билеты.

Голос отца доносился издали. О чём он? Почему не оставит меня в покое? У меня нет сил разговаривать. Мне кажется, что с момента, когда я слышала, что Андрей мёртв, жизнь остановилась.

Настойчивый голос отца пробился через заторможенное сознание, и смысл, наконец, дошёл до меня. Вернуться домой. Зачем? Чтобы снова стать послушной игрушкой в его руках, выполнять бесчисленное количество поручений, организовывать званые обеды и следить принимает ли он прописанное врачом лекарство?

Не выйдет. Я стала другой за это время. Совершенно не преследуя такой цели, Андрей научил меня жить. К тому же я должна найти убийцу. Кому, вообще, понадобилось его убивать? У него не

было врагов.

– Я не вернусь домой, отец, – тихо, но уверенно говорю я.

– Что, значит, ты не вернёшься домой?

– То и значит, – я смело встретила его стальной взгляд, перед которым с детства трепетала. Надо же, перестала бояться. Хватило двух месяцев, чтобы избавиться от его влияния. – Я хочу остаться в Москве.

– А как же твоя работа? Твои друзья? Я не смогу обходиться без тебя. Ты не можешь так поступить!

Я усмехнулась.

– Это твоя работа, я всего лишь выполняла функции твоего личного помощника. Ты всегда говорил, что я хороший исполнитель, но не имею своих мозгов. Исполнителей сколько угодно. Легко найдёшь замену. А на счёт друзей? Это твои друзья, с которыми я вынуждена общаться, ну а тебе, – скользнула взглядом по его наглаженной рубашке, дорогим запонкам и часам, стоящим целое состояние и добавила то, о чём не могла бы сказать раньше, но часто думала, – тебе давно пора жениться. Я не могу всю жизнь ухаживать за тобой.

Мне показалось, что отец задохнётся от гнева. Во всяком случае, из его горла послышались булькающие звуки. Тема личной жизни находилась под запретом ни один десяток лет. После смерти матери, мы жили вдвоём, и, насколько я знаю, у него не было увлечений, несмотря на то, что многие женщины пытались понравиться ему. Но он казался холодным, как льдина, о которую разбивались даже самые красивые и уверенные в себе. Было бы забавно взглянуть на женщину, которой увлёкся бы мой отец.

– Что ты себе позволяешь?! – наконец, выкрикнул он.

– Почему за тридцать лет, которые мы прожили вдвоём, у тебя не появилось желания создать новую семью? Я бы хотела, чтобы кто-нибудь научил тебя улыбаться.

– Ты же знаешь, что я не выношу... – уголок его рта задёргался, и мне стало его жаль. В конце концов, у меня никого нет, кроме этого пожилого мужчины, который по-своему любит меня.

– Знаю, извини, – я дотронулась до его руки, но он поспешно отдернул её. В наших отношениях не было места прикосновениям.